

Державшие его мамы, а также стоявшие рядом служанки и евнухи невольно вскрикнули. Они в ужасе отпрянули, поспешно разжимая руки и зажимая носы, — на их лицах читались брезгливость и страх.

Высочайшая императрица, разумеется, никогда прежде не видела подобного омерзительного зрелища. Она намертво прижала к лицу шелковый платок, сдерживая рвотные позывы. Ее лицо, мертвенно-бледное, исказилось, а тело затряслось от ярости. Она боялась лишь одного — потерять самообладание и окончательно погубить свой величественный образ матери Поднебесной.

— Безумие... это просто безумие! — голос императрицы сорвался на визг. Она дрожащим пальцем указала на Дунфан Юя. — Стража! Бейте его! Бейте этого нечестивца, лишенного всякого почтения, осквернившего дворцовые покои!

Крепкий евнух тут же схватил толстую жесткую ротанговую палку. С оскаленной улыбкой он занес ее высоко над головой, собираясь обрушить удар на спину стоявшего на коленях Дунфан Юя.

В глазах последнего блеснул холодный огонь. Он не собирался быть покорным ягненком. В тот самый миг, когда палка должна была опуститься, он резко подался вперед и обеими руками подхватил дымящуюся, зловонную массу, которую его только что вырвало. Собрав все силы, он с размаху швырнул ее прямо в лицо палачу.

Шлеп!

Густая, кислая жижа точно залепила лицо евнуха. Хуже того, поскольку Дунфан Юй находился внизу, часть нечистот попала прямо в ноздри опешившего и открывшего рот человека.

— Угх! Рвота! — евнух инстинктивно сделал глубокий вдох, и зловонная масса хлынула прямо в его пищевод и дыхательные пути.

— Бэээ! — желудок евнуха перевернулся, и он, не в силах сдержаться, согнулся пополам. То, что вырвалось из него, было не столь обильным, но в сочетании с тем, что осталось на лице, зрелище стало поистине отвратительным.

Дунфан Юй посмотрел на императрицу, которая в испуге пряталась за спинами служанок, и на побелевшего от страха Хуанпу И, прижавшегося к ее подолу.

Высочайшие особы? Золотые ветви, нефритовые тела? Выше других? Постоянно помыкают рабами?

Бешеная ярость ударила Дунфан Юю в голову.

К черту это их высокомерие!

К черту их правила!

Я не стану перед вами пресмыкаться!

В его глазах вспыхнул безумный огонек. Он снова наклонился и, зачерпнув обеими руками еще больше зловонной рвоты, с силой швырнул ее в сторону императрицы и Хуанпу И.

— Остановите его! Живо остановите этого безумца!

Императрица, обезумев от ужаса, завизжала и бросилась наутек, забыв о сыне — лишь бы спасти собственную шкуру. Слуги, наконец очнувшись, с криками бросились вперед, пытаясь скрутить обезумевшего наследного принца.

Дунфан Юй, подобно загнанному в угол зверю, хватал все, что попадалось под руку: фарфоровые вазы, нефритовые украшения, бронзовые курильницы — и с яростью швырял их в толпу и окружающую обстановку.

Дзынь! Бах! Трах!

Бесценные сокровища в мгновение ока превратились в груды мусора. Он разбил почти все, что можно было поднять и бросить. Наконец его взгляд упал на императорское ложе. На нем лежало покрывало из ледяного шелка, прохладное на ощупь и гладкое, как вода, переливающееся мягким блеском в свете свечей. Рядом стояла изящная курильница в форме лотоса, из которой струился тонкий дымок.

Дунфан Юй одним прыжком оказался на ложе. Он схватил драгоценное покрывало и, не заботясь ни о чем, принялся с силой вытирать об него свои испачканные руки. Ощущения были превосходными — холодный шелк был нежнее кожи младенца.

— Ты... ты... ты посмел! — императрица, дрожа всем телом, указывала на него пальцем. Ее лицо сменило бледность на синеву, она не могла вымолвить ни слова.

Это покрывало было получено императором во время военного похода и не имело равных во всем мире! Она приложила столько усилий, чтобы заполучить его, и берегла как зеницу ока. А теперь эта мерзость так его осквернила!

— Вдовствующая императрица прибыла!

В самый разгар этого хаоса и зловония, когда императрица была готова лишиться чувств, снаружи раздался пронзительный голос евнуха.

Это была Люй Ли! Долго ожидая возвращения наследного принца и тревожась, она набралась смелости и отправилась просить помощи у вдовствующей императрицы.

Старая государыня, поддерживаемая слугами, поспешно вошла во дворец Нинцин. Едва переступив порог, она не успела даже осмотреться, как ее ударил в нос резкий, едкий запах гнили вперемешку с ароматом благовоний. Взгляду предстали груды осколков, две лужи омерзительной рвоты и ее правнук, вытирающий руки о любимое покрывало императрицы.

Дунфан Юй, перепачканный грязью, но с необычайно ясным и острым взглядом, предстал перед ней. Это невероятное, хаотичное и грязное зрелище, напоминавшее поле битвы, заставило старуху, повидавшую на своем веку немало, пошатнуться.

— Юй... Юй-эр... ты...

Вдовствующая императрица успела произнести лишь несколько слов, прежде чем ее тело обмякло и она начала заваливаться назад.

— Вдовствующая императрица!

— Старый предок!

Дворец огласился испуганными криками. Известие о том, что вдовствующая императрица лишилась чувств во дворце Фэни, подобно цунами, разнеслось по всему дворцу.

У дворца Нинцин собрались все лекари императорской академии — и те, кто был на дежурстве, и те, кто нет. Они выстроились в длинную очередь, затаив дыхание в ожидании своей очереди войти и проверить пульс государыни.

Внутри дворца витал тонкий аромат благовоний, струившихся вокруг статуи Майтрейи, стоявшей на столе из сандалового дерева. Лик божества был полон милосердия, а взгляд — тепла и твердости. Его вечная улыбка, казалось, заключала в себе мудрость, способную вместить все горести мира, но сейчас она казалась какой-то призрачной.

В главном зале царила ледяная тишина. Императрица, поддерживаемая служанками, стояла на коленях, ее лицо было белым как мел, а ноги давно онемели. Рядом с ней стояла старая мамка, молчаливо поддерживая ее, чтобы хоть немного облегчить страдания. Они знали: пока вдовствующая императрица не придет в себя, императрица обязана стоять на коленях.

Император, заложив руки за спину, мерным шагом мерил зал. Его статная фигура была облачена в величественный халат желтого цвета с вышитыми золотыми драконами, которые, казалось, извивались в такт его подавляемому гневу. Лицо, словно выточенное из нефрита, брови, взлетающие к вискам, и пара пронзительных глаз, в которых сейчас бушевал гнев, подобный грозе. Его тонкие губы были плотно сжаты в жесткую линию, а брови нахмурены, что выдавало бурю ярости и тревоги в его душе.

Он был известен своей сыновней почтительностью — той самой, что принадлежала лишь вдовствующей императрице, вытащившей его из грязи в детстве. Воспоминания нахлынули на императора, словно прилив.

В те годы, когда конница хуннов двинулась на юг и столица оказалась в опасности, покойный император, желая поднять боевой дух, лично возглавил поход. Не прошло и месяца, как пришла страшная весть. Его глубоко почитаемая мать, императрица Жун Дэ, скончалась при родах, произведя на свет его сестру, принцессу.

Отец, находившийся далеко на границе, мог лишь издать указ, повелевающий наложнице Сюэ временно взять печать императрицы и воспитывать юного наследника и новорожденную принцессу. Однако могла ли наложница Сюэ искренне заботиться о чужих детях?

<http://bllate.org/book/18860/1840166>